

3-4 октября 2017 года отделением славистики Лозаннского университета была организована встреча с участниками МПС (Международного Платоновского Семинара) и другими исследователями, интересующимися творчеством Платонова. Наряду с практической задачей расширения контактов МПС, встреча была посвящена ознакомлению с проблематикой «Платонов и революция» (продолжение рефлексии, начатой на февральском симпозиуме МПС в Генте) и обсуждению дальнейших перспектив совместной работы.

Краткие резюме выступлений:

•••**ОЛЬГА ФРОЛОВА** (Москва). *Осмысление языка революции (на материале повести Платонова «Котлован»)*

В докладе подчеркивается, что платоновское творчество в силу цензурных запретов не было осмыслено современниками, и его восприятие после возвращения в литературу осложнилось потерей контакта с языком эпохи. Отсюда необходимость кропотливого восстановления связей языка Платонова с современным ему языковым фоном: на них, как показывает ряд примеров, строится платоновское новаторство: его отличает не «подчинение» (И. Бродский), а активный творческий диалог с языком времени.

•••**РАЙНЕР ГРЮБЕЛЬ** (Ольденбург). *Революция как тема и как прием у Платонова.*

Учитывая частотность лексемы «революция» в текстах Платонова, докладчик констатирует, что «революционность» писателя меняет приложение. Постепенно покидая уровень тематики, она переходит на уровни организации текста. Новаторство Платонова проявляет себя в областях гносеологии, антропологии, нарратива и языка (снимаются традиционные оппозиции между, соответственно, идеализмом и материализмом, значением и чувством, речью повествователя и персонажей, высокими и низкими стилистическими регистрами).

•••**ХАНС ГЮНТЕР** (Билефельд). *Революция и тоска у Платонова.*

Основа доклада — сопоставление восторженного принятия революция и реакции на ее крах у Платонова и Гельдерлина. Рассматривается понятие *тоски* в его соотношениях с понятием *скука* и роль этой семантической пары (первое понятие содержит «надежду на будущее», второе ее лишено) в поэтике и антропологии Платонова. Подчеркивается «стоицизм» Платонова (в отличие от романтика Гельдерлина), и ставится вопрос о «поэтических масках»: сумасшествие у Гельдерлина, юродство у Платонова.

•••**ИЛЬЯ КУКУЙ** (Мюнхен). *Платонов в кино на примере фильма Ларисы Шепитько «Родина электричества».*

Наряду с контекстом создания фильма и цензурных перипетий юбилейного киноальманаха *Начало неведомого века*, в который, кроме фильма Шепитько поначалу входили еще две новеллы, речь идет об особенностях перенесения платоновской прозы на киноэкран и о поэтике Шепитько, отсылающей в большой степени к Довженко, в меньшей — к Эйзенштейну *Генеральной линии*. Помимо операторской работы, использующей приемы анаморфоза для создания впечатления «иконности» фигур, радикальный показ полного истощения людей и земли вызвал критику и споры внутри киностудии относительно его «адекватности» платоновскому тексту/письму, вследствие чего картина была запрещена.

•••**КОНСТАНТИН КАМИНСКИЙ** (Констанц-Берлин). *Электричество и энергетико-экологическая революция у Платонова.*

Исследователь ставит задачу контекстуализации платоновского «научно-фантастического» видения будущего. Ближайшими контекстами являются деятельность самого Платонова, а также разработка и реализация советского плана электрификации (ГОЭЛРО) и дискуссии вокруг него. На другом уровне Платонов

вписывается в рамки русского энергетизма (и эмпириокритицизма) как течения, ставившего вопрос о «веществе мира». В мечте Платонова о использовании солнечной энергии для освобождения человечества исследователь усматривает преддверие современных экологических теорий, в т.ч. программы «солярного коммунизма» (Дэвид Шварцман).

•••**ЛЕОНИД ГЕЛЛЕР** (Лозанна-Париж). *Платонов: революция, утопия, насилие.*

В докладе делается попытка уловить некоторые существенные черты поэтики Платонова путем рассмотрения понятийной цепочки, элементы которой реализуются в его творчестве. Они отсылают к состояниям как представляемого, так и представляющего мира. «Насилие» — передаваемое в платоновском словаре словами «буйство», «неистовство», «ярость», — лежит, как кажется в основе указанной зависимости, что определяет манеру письма, которую можно назвать «яростным экспрессионизмом».

•••**АННИ ЭПЕЛЬБУЭН** (Париж). *Платонов свидетель холокоста.*

Исследовательницу интересует попытка реконструкции и анализа установившейся в советское время и продолжающейся в наши дни практики замалчивания/эвфемизации факта истребления евреев нацистами на территории СССР. В этом контексте Платонов возникает как первый писатель не-еврей, участвовавший в подготовке «Черной книги» И. Эренбурга и В. Гроссмана (1943—1947). На этом фоне особого значения набирает в творчестве Платонова тематика утраты человечности — свидетельство о катастрофе и предупреждение о ее возможных последствиях в будущем.

Активное участие в дискуссии приняли славяноведы из Лозанны и Женевы: Андрей Добрицын, Эдуард Надточий, Михаил Маяцкий, Женестьева Пирон.

Обсуждались все затронутые в докладах темы, в особенности:

—*платоновский диалог с языком эпохи (активность Платонова не подлежит сомнению; думается, что Бродский, говоря о подчинении эпохе, имел в виду не пассивность Платонова, а силу притяжения языка утопии, определяющую круг, вырваться из которого не могут даже его критики);*

—*стоицизм жизненной позиции Платонова и его связь с традицией философского либертинства;*

—*модальности платоновской «революционности» и его утопизма;*

—*насилие и опыт бесчеловечности.*

В ходе дискуссии предлагались возможные направления для будущих исследований, в том числе:

—*Платонов и пространство;*

—*Словари и понятийники платоновского творчества: словарь насилия, словарь имен, и т.д.*